

Е.Р.Махмутова,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Н.В. Пращерук

Сновидения в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Аннотация: В статье рассматривается сон с точки зрения важнейшей категории для понимания художественного мира И.А. Бунина. Проанализированы сновидения героя в книге «Жизнь Арсеньева» в связи с ключевыми проблемными аспектами творчества автора.

Ключевые слова: И.А. Бунин, сон, память, жизнь, образ, символ.

Сон как важная структурообразующая, эстетическая, психологическая и метафизическая категория широко используется в русской и зарубежной литературе. На значимость снов в художественном мире И.А. Бунина указывал Ю. Мальцев в монографии «Иван Бунин», называя сновидение «важным элементом всего творчества» [Мальцев Ю.В. 1994: 82-83] художника. Бунин всегда интересовало трансцендентное и иррациональное. В художественном мире автора выход в иное измерение и приобщение к вечным законам бытия, проявлением инстинктивного, природного в человеке могут являться такие важные категории, как любовь, Память, смерть и сон.

Сон – это великая тайна, «универсальная стихия» [Мальцев Ю.В. 1994: 121], которая существует в неразрывном единстве с самим сновидцем-субъектом и в которой являющаяся сущность постигается путем отрешения от собственного «Я» и погружением в мир общий, благодаря стиранию границ между «вещественным» и «невещественным». Этим обусловлен новый тип психологизма бунинского мира, в котором общее преобладает над личностным, «фрагменты внеличного сознания» [Мальцев Ю.В. 1994: 122] доминируют над индивидуальным. И выходом во всеобщее, вселенское является сновидение, онейризм: приобщаясь к вечным законам бытия, человек мыслится уже не как отдельный субъект, а как слитое, существующее вместе с миром неразрывно. Сновидение в художественном тексте можно *интерпретировать*, «заполнить смыслами» [Лотман Ю.М. 2010: 126], ориентируясь на ключевые образы-символы, в которых зачастую проявляется «коллективное бессознательное» и набор устоявшихся архетипов, а также проследить как через сновидение показана психология «изнутри». Все перечисленное включается в *поэтику сновидений* или *онейропоэтику* – «это область поэтики, которая сосредоточена на филологическом анализе литературных снов как вербального художественного текста» [Савельева В.В. 2013: 3], которая предполагает системное рассмотрение образного ряда повествовательной и словесной организации.

Главным произведением И.А. Бунина является «Жизнь Арсеньева», в котором сновидения являются спутниками Алексея на протяжении всей книги. Сны часто тревожат Арсеньева, беспокоят его, тогда как у других персонажей книги сны «чистые, прекрасные, крепкие» (как у Лики, например). Это связано с природой самого героя, в котором острота чувства доведена до предела: «...Я поэт, художник, а всякое искусство, по словам Гёте, чувственно» [Бунин И.А. 1988: 236]. Не удивительно, что в первой тяжелой болезни Алеши пять человеческих чувств чрезвычайно обострены, как будто растворяются в мире и являют его во всей трагической полноте. Во сне запечатлевается «телесная грубость мира» [Бунин И.А. 1988: 38], которая мучит героя. Сон – показатель реальности происходящего: болезненное несуществование прерывается сновидением – элементом реального мира. Арсеньев, еще пребывая во власти болезни, видит фантазмагорические образы матери, комнаты – субъекты и объекты реального смешиваются с ирреальностью, образуя пугающее единство. Сон и болезнь оказываются связаны друг с другом, ведь они являются проводниками для «странствий в некие потусторонние пределы» [Бунин И.А. 1988: 38]. Мир после болезни кажется чище, чувства обостряются, выздоровление мыслится как спасение,

как Рай (тогда как мучившие сновидения и болезнь кажутся «снисхождением в ад» [Бунин И.А. 1988: 38]).

Жизнь, протекающая, как сон – частый мотив в повествовании Бунина. Герой оказывается в позиции неспособного понять реальность происходящего с ним, стирает границу между жизнью и сновидением, либо желает скорее проснуться от «непонятного сна» [Бунин И.А. 1988: 48]. Алексея Арсеньева пугают приближающиеся изменения в его детской жизни, наступление взрослости. Эти чувства, знакомые всем людям на земле, обретают конкретную характеристику – «все сон!» [Бунин И.А. 1988: 48], причем прошлая детская жизнь, неопределенное будущее, день, город, мысли, чувства, лес, поля существуют в сознании героя в абсолютно слитом, общем непрерывном меняющемся движении. Выстрел – сигнал, который выводит Алексея из одного состояния (путь внутрь себя) в другое (совершение действия, направленного на реальность).

Смерть, так остро прочувствованная героем еще в детстве, является постоянной частью жизни Алексея: «И во всем была смерть, смерть, смешанная с вечной, милой и бесцельной жизнью!» [Бунин И.А. 1988: 91]. Лежащий в гробу покойник-живое лицо Анхен, панихиды-игры детей – это полярное, бинарное переживание (на границе жизни и смерти) оставляет в сознании героя неизгладимый след и становится следствием сновидения, в котором Алексей видит, как покойник руководит «перестановкой» в доме и является одновременно мертвым и живым участником событий. Сознание героя не может принять сам факт смерти Писарева, то, что есть еще и «гробовой сон» [Бунин И.А. 1988: 92] – вечное сновидение как неизбежный конец земного существования. После испытанного в жизни и усиленного во сне Алексей чувствует себя пьяным, «во хмелю» и, засыпая на короткое время «увидел себя в зале» [Бунин И.А. 1988: 92], скорее всего, на месте покойника. Этот сон является началом нового жизненного пути, в котором жизнь и смерть как две главенствующих силы в мире будут неразрывно связаны друг с другом. Это уже не просто аморфное, сомнамбулическое состояние жизни «как во сне», которым завершается первая книга «Жизни Арсеньева», а осознание и познание онтологических категорий на уровне чувственном. Этими одновременно старыми и новыми открытиями завершается вторая книга. Конец и начало – сильные позиции текста, а значит элементы, включенные в эти позиции, должны играть значительную роль. Такую роль берут на себя в текстовом единстве *сновидения*, показывающие эволюцию и движение героя на уровне души/духа.

Однако ощущение *жизнь-сон* не покидает героя. Этому ощущению/переживанию всегда предшествует значимое событие, должное изменить жизнь героя и направить в непознанное будущее. В четвертой книге Алексей Арсеньев решает уехать из дома. Именно этот, уже реальный, а не мыслимый разрыв с родными вызывает чувство мнимости происходящего: «а потом был точно сон» [Бунин И.А. 1988: 138].

В 22-ой главе, завершающей четвертую книгу, Алексею снится сон про девушку, которая подходит к мертвому. Мыслительные и зрительные процессы одновременно включаются в процессе воссоздания уже свершавшегося когда-то с героем наяву. Это заново переживаемое состояние в сновидении усиливается ощущением того, что смерть всегда связана с трагедией от потери и трауром: «женственно-любовно» девушка просталась с уже мертвым, «старческим» навсегда. Опять же элемент внезапности из внешнего мира прерывает сон, но и в пейзаже траур и переживание смерти не оставляет героя. В этом сне смерть, сон и жизнь оказываются частью стремительно изменяющейся Вселенной: «Все несется куда-то вперед, вперед...» [Бунин И.А. 1988: 165]

Арсеньев – герой, познающий жизнь чувственно: «Жизнь и должна быть восхищением...» [Бунин И.А. 1988: 224]. Главенствующее место в его мире занимает сон как воссоздание картин, когда-то увиденных и пережитых чувственным опытом. По роду деятельности Алексей – поэт, человек искусства, а значит герой вечно ищущий. Поиски вдохновения и темы для своих сочинений для него – «обычное утреннее занятие» [Бунин И.А. 1988: 203], а ожидание прихода «своей темы» превращается в муки творчества от осознания недостатка впечатлений: «...я томился убожеством жизни...» [Бунин И.А. 1988:

204]. В XIV главе в проживаемый день включается уже когда-то увиденный и запечатленный Памятью ретроспективный сон. Алексей видит себя и отца в цирке, на арене которого выступают шесть черных пони с красными поводьями и султанами. Интересна контрастная цветовая обрисовка образов: красный – цвет жизни, черный – цвет силы. Такая трактовка символики цвета обусловлена крепким, беспокойным и энергичным в облике самих пони: «толстые короткие шеи...», «...зло, упрямо склонив толстые головы...», «...бокастые...коротконогие...» [Бунин И.А. 1988:207]. Лошади, как и Арсеньев, пышат жизнью и здоровьем. Круглая арена цирка говорит о движении по кругу, отсылает к внутреннему состоянию героя, замкнутого на самом себе, сосредоточенного на творческих поисках, не приводящих к желаемым результатам. Сон глубоко психологичен, но обозначен героем как бы случайно, как что-то обыкновенное и незначительное. Но после этого сна весь прожитый день кажется герою его «продолжением» [Бунин И.А. 1988: 210].

Главное место в череде сновидений в книге занимает последний сон Алексея, потерявшего Лику. Глава делится на три коротких отрывка: в первом герой узнает о смерти Лики, во втором – описываются воспоминания о подаренной тетради, а в третьем – Арсеньев описывает единственное сновидение, в котором ему видится образ умершей в трауре. Этот сон по описательной структуре похож на сновидение Алексея после похорон князя: тот же траурный колорит, та же красота и молодость, но отличается по глубине воплощенных смыслов. Образ Лики «восстает из гроба беспомыслия, наделяется душой и выходит из границ времени, отмечающих ее начало и конец» [Аверин Б.В.: URL]. Этой силой, способной воскрешать мертвых, давать утраченный образ во всей ее полноте является сон.

В художественном мире И.А. Бунина сон, наряду с Памятью, является воссоздающей силой, способной запечатлеть в человеке «бесконечность времени и пространства» [Аверин Б.В.: URL].

Литература

- Аверин Б. В.* «Жизнь Бунина и Жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания» [Электронный ресурс] http://russianway.rhga.ru/upload/main/65_Averin.pdf (1.02.2019)
- Бунин И.А.* Собрание сочинений в 6-ти т.Т.5. – М.: Художественная литература, 1988.
- Игнатий Брянчанинов.* Слово о чувственном и духовном видении духов [Электронный ресурс] – <http://babayki.orthodoxy.ru/tom3.html> (16.10.2017).
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб: «Искусство–СПБ», 2010. – 704 с.
- Мальцев Ю.В.* Бунин: 1870-1953. – М., 1994. – 225 с.
- Нечаенко Д.А.* Сон, заветных исполненных знаков. – М.: Юрид. лит., 1991. – 304 с.
- Сербский Николай.* Символы и сигналы. [Электронный ресурс] <http://predanie.ru/nikolay-serbskiy-velimirovich-svyatitel/book/71722-simvoliy-i-signalny/> (15.01.2019)
- Пращерук Н.В.* Проза И.А.Бунина как художественно-философский феномен. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. – 233 с.
- Савельева В.В.* Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей. Алматы. 2013 г. С.
- Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б.Христофорова. – М.: РГГУ, 2002. – 382 с.
- Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения. М.: ГМИИ им.А.С.Пушкина.1993. –147 с.
- Федунина О. В.* Поэтика сна в романе («Петербург» А. Белого, «Белая гвардия» М. Булгакова», «Приглашение на казнь» В.Набокова»). Дисс. канд. филол. наук. М., 2003. 140 с.
- Фрейд З.* Толкование сновидений /Пер. с нем. М.К. и Я.М. Коганов. С приложением очерка А.Р. Лурии "Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии". – М.: Академический проект, 2017. – 475 с.
- Юнг, К.Г.* Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 300 с.
- Юнг. К.Г.* Человек и его символы / Под ред. С.Н.Сидоренко. М., 1998. – 368 с.

Makhmutova E.R. Dreams in the book of I.A. Bunin «Life of Arsenyev».

The article considers the dream from the point of view of the most important category for understanding the artistic world of I.A. Bunin. The dreams of the hero are analyzed in the book «The Life of Arsenyev» in connection with the key problematic aspects of the author's work.

Keywords: I.A. Bunin, dream, memory, life, image, symbol.

А.И. Жарова,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Н.В. Пращерук

Мир православия в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Аннотация: *В статье предпринимается попытка проследить, как меняется и преобразуется религиозное чувство главного героя в книге «Жизнь Арсеньева». Рассматриваются наиболее знаковые эпизоды в произведении, которые содержат описание восприятия православной веры героем, его чувств и переживаний, связанных с тем или иным переломным моментом в жизни. Делается акцент на сценах, содержание которых свидетельствует о духовном состоянии героя на том или ином жизненном этапе*

Ключевые слова: *религиозное чувство, прелесть, мир православия, Арсеньев, вера*

*Я уже твёрдо знаю теперь, что
прекрасней и выше всего этого
нет и не может быть ничего на
земле*

И.А. Бунин

Вынесенные в качестве эпиграфа строки, по нашему мнению, гармонично соотносятся с темой статьи. Для писателя мир и соединение с ним, взаимопроникновение было естественным бытием, его мироощущение вбирало в себя всё, что воспринимали органы чувств, в том числе и православие, особенно обрядовую его сторону. Доминирует в общении с миром у Бунина-художника, как нам кажется, зрение. Вот как пишет об этом Ф.А. Степун: «У Бунина же зрение предельно обострено; ему отпущены не только орлиные глаза для дня, но и совиные для ночи. Поистине он все видит» [Степун 1962: 92]. А суждение об обрядовости мы основываем на высказывании Ю. Мальцева: «Христианство всегда привлекало Бунина своей обрядовой вещественной стороной, красотой и древностью – материализованной поэзией и воплощенной традицией» [Мальцев 1994: 32]. Здесь же отметим, что вопрос о христианском/православном векторе религиозности Бунина-художника до сих пор можно считать дискуссионным. Эта проблема вызывала интерес у таких ученых, как Ф.А. Степун, И.А. Ильин, Г. Адамович, К. Зайцев, М.М. Дунаев, П. Бицилли, О.А. Бердникова, Т.А. Кошемчук, Н.В. Пращерук и др.

Нам представляет важным, как решается эта проблема в главной книге писателя, максимально воплотившей его духовные искания. Обратимся непосредственно к тексту и к фигуре Алёши Арсеньева, глазами которого мы наблюдаем, в каком мире он живет.

Для начала будет интересно рассмотреть, каким образом происходит развитие религиозного чувства у героя романа с детских лет до периода молодости.

Первое впечатление от встречи с Богом у героя, как мы помним, связано с восприятием смерти «Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с Ним (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери)»